

ВЛАСТЬ И СОБЫТИЕ*

© С. В. Соловьева

Соловьева
Светлана Владимировна
кандидат
философских наук, доцент
Самарский
государственный университет

Понятия силы, воли, власти и возвращения выступают фигурами новой онтологии, построенной не на фундаментальном понимании бытия как сущности, но на идее динамического, силового характера бытия как события. Онтологическими определениями события являются власть и возвращение. Власть событийна, в ее основании лежит Вызов, который ставит человека на границу бытия и ничто, превращая сущее в событие. В горизонте события не существует вещей и людей, но остаются силы, из которых возникает становление и действие.

Ключевые слова: событие, власть, сила, возвращение, вызов.

Мое учение говорит: жить так, чтобы ты **желал** жить снова — вот задача, тебе предстоит это в **любом** случае.
Ф. Ницше

Понятие «событие» выступает центральным в онтологии последнего столетия. Событие казалось бы очевидное слово, которое доступно по своему смыслу. Событие — это то, что случилось, это нечто уникальное, отдельное, какая-то громкая новость и т. д. Связь события и власти кому-то может показаться неочевидной, или слишком радикальной, или уже множество раз выговариваемой интеллектуалами, но мне представляется, что анализ события и власти даже как самостоятельных онтологических или социальных феноменов невозможен друг без друга. Это сопряженность события и власти можно заметить через ряд расщеплений, в которых эта связь проглядывается, допустим: сила и событие в понятиях «воля к власти», свершение и повторение событий, их однократность и серийность, возможность или не-

* Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 04-03-00061а.

возможность повторения событий, связь мысли и силы, власти и истины. Эти расщепления в какой-то степени искусственны (умозрительны), но они создают тот зазор, через который эта сопряженность события и власти проглядывается.

В истории европейской философии были созданы яркие концепты события, такие, например, как у Хайдеггера, Сартра, Бахтина, Делеза, Рикера... Но среди этих имен и идей одна их самых интригующих и заметных попыток сформулировать и решить проблему события как *первую и фундаментальную* проблему всей философской метафизики была предпринята Ницше. Нельзя сказать, что он построил законченный концепт события, хотя бы в силу того, что это понятие было не основным в его творчестве, но философ обзревает и описывает жизнь по принципу события, по принципу однократности, уникальности и множественности бытия. В его понятии жизни (читай бытия) соединены становление и постоянство, мгновение и вечность, однократность и возвращение, единственность и множественность. Такими фундаментальными определениями бытия как события для Ницше становятся *власть* и *возвращение*.

В творчестве Ницше есть, по крайней мере, два значения события. Первое понятие события связано с деянием, поступком, имеет скорее онтический смысл. Второе понятие события онтологично и выстраивается из общей композиции его понимания сущего и жизни. В событии как поступке Ницше выступает против кантовского понимания деяния, абсолютно отрицая априорные основания человеческого поступка. «Никакой поступок сам по себе не является нравственным или безнравственным, ибо поступков самих по себе не существует. Не существует морали самой по себе, здесь оказывается несостоятельной кантовская попытка встроить мораль а priori в некое пустое пространство и пустое время. Эта попытка убедительна лишь на поверхности, ибо пространство, в котором мы движемся, и время, в котором мы живем, определены исторически и наполнены историческими силами. Их нельзя не принимать во внимание: человек, живущий в истории, в той мере, в какой он находится в ней, не может выскочить за пределы своей историчности!»¹ Следовательно, морального человека не существует, а есть человек как порождение конкретной исторической ситуации.

«Человек — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, канат над пропастью. [...] В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он *переход* и *гибель*»², — говорит Ницше устами Заратустры. Человек одновременно переход и гибель, это значит, что он может превзойти себя, свершить поступок, деяние, только преодолевая нечто в себе самом. Поэтому то, что гибнет и оставляется человеком, — прошлое — враг настоящего, силы, жизни и власти. Прошлое выступает параличом воли, страх и прошлое — вот что останавливает волю и отворачивает ее от стремления. «Хотеть» освобождает — но как называется то, что и освободителя заковычивает в цепи? «Было» — так называется скрежет зубовой и сокровенное горе воли. Бессильная против того, что уже сделано, она — злобная зрительница всего прошлого. [...] Не может она победить время и остановить движение времени, — в этом сокровенное горе воли. [...] Прочь вел я вас от этих басен, когда учил вас: «Воля есть созидательница; Всякое «было» есть обломок, загадка, ужасная случайность, пока созидательная воля не добавит: «Но так я хотела!» [...] Вышнее, чем всякое примирение, должна хотеть воля, которая есть воля к власти, — но как это может случиться ней? Кто научит ее хотеть обратное?»³ Мы погибаем главным образом как человеческие суще-

¹ Юнгер, Ф. Г. Ницше / пер. с нем. А. В. Михайловского. М.: Праксис, 2001. С. 123.

² Ницше, Ф. Так говорил Заратустра // Соч. в 2 т. / Ф. Ницше. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 9.

³ Там же. С. 101—102.

ства ради того, чтобы стать чем-то более возвышенным. Как утверждает А. Данто, человеческая жизнь — это жертва не ради чего-то транс- и экстра-, но ради того, чтобы преодолеть хоть частично нас самих. Поэтому *Übermensch* (сверхчеловек) — это свободное человеческое существо, обладающее инстинктивными побуждениями, которые его не поработают. Он — господин, а не раб своих побуждений, он в состоянии что-то сотворить из себя, а не просто стать продуктом проявления инстинкта или внешнего влияния. Данто А. выступает против дарвинистской интерпретации творчества Ницше и сверхчеловека, поскольку появление и осуществление сверхчеловека не есть естественный ход событий, автоматически проводящий к *Übermensch*⁴.

Сверхчеловек — это не естественный продукт событий или следствие причин и обстоятельств, но это некая человеческая способность осуществить поступок как безосновное деяние актом собственной свободы и воли. «Следует показать, до какой степени все *остается на поверхности*: как поступок и его образ в сознании *различны*, как *мало* знаем мы о том, что предшествует поступку; как фантастичны наши чувства: “свобода воли”, “причина и действие”, как мысли и образы, как слова являются только знаками мыслей; непостижимость всякого поступка; поверхность всякой похвалы и порицания; насколько то, в чем выражается наша сознательная жизнь, есть по преимуществу продукт вымысла и воображения. [...] В конечном выводе *дело идет вовсе не о человеке: он должен быть преодолен*»⁵. Здесь появляется парадоксальная мысль. С одной стороны, Ницше говорит о последнем человеке, сверхчеловеке, следовательно, он антропологичен, с другой стороны, его философия жизни неантропологична, поскольку человек только рупор и метка бытия как воли к власти. Здесь возникает парадокс: Ницше открывает нового человека для философии, и одновременно он так далек от него.

Сверхчеловек как способность свершить событие как поступок вытекает из воли. «В каждом хотении есть, во-первых, множество чувств, именно: чувство состояния, от которого мы стремимся избавиться, чувство состояния, которого мы стремимся достигнуть, чувство самих этих стремлений [...]. Во-вторых, подобно тому, как ощущения — и именно разрозненные ощущения — нужно признать за ингредиент воли, так же обстоит дело и с мышлением: в каждом волевом акте есть командующая мысль; однако нечего и думать, что можно отделить эту мысль “хотения” и что будто тогда останется еще воля! В-третьих, воля есть не только комплекс ощущения и мышления, но прежде всего аффект — и к тому же аффект команды. То, что называется “свободой воли”, есть в сущности превосходящий аффект по отношению к тому, который должен подчиниться. [...] В данном случае мы являемся одновременно приказывающими и повинующимися и, как повинующимся, нам знакомы чувства принуждения, напора, давления, сопротивления [...], мы привыкли не обращать внимания на эту двойственность»⁶. В понятии воля у Ницше объединены множество смыслов, оно употребляется в значении аффекта (или чувства), страсти (желания), повеления (команды) и подчинения. При этом само понятие воли у философа имеет не психологический, но онтологический смысл. «Ницше хочет

⁴ См.: Данто, А. Ницше как философ / пер. с англ. А. Лавровой. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 238, 240.

⁵ Ницше, Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей / пер. под ред. С. М. Стерденко. М.: REFL-book, 1994. С. 317—318. фр. 676.

⁶ Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла // Соч. в 2 т. / Ф. Ницше. Т. 2. М.: Мысль, 1990. I, 19. С. 254.

показать “абсолютную гомогенность событий”, показать все как “обусловленное перспективой”. Что это значит? Не что иное, как то, что любая мораль находится в волевой сфере, что перспективы полагает воля, что существует лишь перспектива воли, и нет никакого Я, никакой личности, никакой Вселенной. Любые оценки имеют характер перспективы. Гомогенность событий — гомогенность воли. Все события суть воля»⁷.

Воля у Ницше, как ее толкует Г. Ф. Юнгер, связана с иерархическим порядком бытия и рангов ценностей. Воля для порядка бытия и ценности выступает из хаоса. Хаос — это такое состояние, в котором воля действует до времени и пространства, до жизни и смерти и т. д. Из хаоса впервые появляется оформленное становление, структурирующее само себя. Мы можем проверить волю к власти, волю как власть. Она дифференцирует себя, ибо там, где это не происходит, она остается хаосом. Воля дифференцируется по ценностному и иерархическому порядкам: ее количество становится качеством. Ценностный и иерархический порядок — это манифестация воли. Оценка, взвешивание, сравнение — все это действия — суть проверка полномочий воли. Волей к власти можно злоупотреблять, поэтому воля к власти связана с переоценкой всех ценностей. Никакой воли к власти самой по себе не существует, она лишь пароль, сокращение и опора мысли. Вечное возвращение появляется благодаря тому, что мир бытия никогда не возвращается, он всегда есть, только становление, дионисийское начало учреждает себя через возвращение⁸.

Воля к власти, как ее толкует Делез, означает пластический принцип всех наших ценностных суждений, скрытый принцип создания новых ценностей. Природа воли к власти не в том, чтобы вождельть и брать, но творить и отдавать. Власть как воля к власти — это не то, что «волит воля, это *то, что* волит в воле». Сила управляет благодаря воле к власти. Поэтому двум типам силы соответствуют, по мнению Делеза, два лика воли к власти. Активные силы утверждают, реактивные — отрицают, следовательно, «отрицание и утверждение являются двумя *qualia* воли к власти, как активность и реактивность»⁹. У Делеза воля власти выступает как то, что связано с пространством культуры, пространством ценностей и смыслов. Нигилизм торжествует тогда, когда воля к власти означает не волю к творчеству, но вождельние господства. Преобразование ценностей — это переворот в отношениях «отрицание-утверждение». Такое преобразование возможно лишь при завершении нигилизма. Нигилизм — это господство слабого над сильным, реактивных сил над активными, отрицания над утверждением. Утверждение — это высшее могущество воли. Но что тут утверждается, задается вопросом Делез¹⁰? «Нам это неведомо», — отвечает он. Нигилизм отрицает не столько бытие или ничто, сколько становление и многообразие, которые должны быть заглажены и поглощены Единым. Тоске и тревоге нигилизма Ницше противопоставляет ряд фигур утверждения: это преобразование ценностей, которые утверждают радость бытия, вторая фигура преобразования ценностей — раздвоение утверждения (пара Дионис-Ариадна), третья — вечное возвращение, и четвертая — сверхчеловек.

Ф. Г. Юнгер толкует волю к власти как интерпретацию, последняя сама является средством, благодаря которому мы чем-то овладеваем. Мы живем в мире интерпретаций

⁷ Юнгер, Ф. Г. Указ. соч. С. 107—108.

⁸ См.: Там же. С. 143—145.

⁹ См.: Делез, Ж. Ницше / пер. с франц., послесл. и коммент. С. Л. Фокина. СПб.: Аxioma, 2001. С. 31—32.

¹⁰ См.: Там же. С. 44.

и интерпретаторов. В мире бытия они могут закончиться, в мире становления они не прекращаются никогда. Воля к власти, которая находит в становлении свое выражение, завершается парадоксом. Она пытается запечатлеть на становлении «характер бытия». Она завершается в возвращении, благодаря которому мир становления приближается к миру бытия. Однако нет ничего сущего, есть лишь воображаемое. Перспективный мир ложен, не истинен, но только он является единственным. Это мир фикций, которые мы постоянно интерпретируем. Интерпретации — это инстинкты, ибо их сущность состоит в том, что они интерпретируют самого себя. Поэтому тело есть результат бесчисленных интерпретаций. Все наше познание состоит из фикций. Фикция — единственная власть и сила, которой и стоит заниматься. Вся сила интерпретаций состоит в том, чтобы творить новые фикции. Отсюда вытекает, что существует только способность воображения, которая и должна занять место веры. Человек есть то, что он способен «во-образить» себе. Сверхчеловек — это человек высочайшей и сильнейшей способности воображения¹¹.

А. Данто толкует волю к власти не просто как побудительный мотив сверхчеловека, но как свойство, инвариантное для всех (и слабых, и сильных), это свойство всех живых существ. «Воля к власти — это не то, чем мы *располагаем*, а то, что мы собой *представляем на самом деле*. Не только мы суть воля к власти, а вообще все в человеческом и животном мире, в мире одушевленном и материальном»¹². Философ, безусловно, прав, более того, можно согласиться с его утверждением, что онтология Ницше мыслит реальность не в терминах вещи и сущности, а в терминах «динамических количеств». Все, что существует, и даже вещи, — это совокупность воздействий и противодействий. Воля к власти не сущность мира, явлений и вещей, но все это перечисленное выступает как воля к власти. Вещи сталкиваются как противостояние воли.

Власть имеет ряд принципиальных измерений: она реализует себя через что-то или кого-то, она имеет определенное количество, она существует только в ситуации столкновения воли (сопротивление, нападение, защита и пр.), она реализует свое господство только через превышение и захват, власть всегда держит мир в напряжении (она его создает). Поэтому в природе и сущем никогда не будет мира, мы все затронуты борьбой: «В каждый момент мы — это то, что мы делаем; и пока мы живы, ежеминутно мы держим универсум в напряжении, поскольку мы хотим присвоить то количество власти, которое соответствует нашей природе»¹³, — толкует А. Данто. Удовольствие или неудовольствие — лишь следствие реализации власти, при этом неудовольствие бывает двух видов: от истощения и упадка воли, и неудовольствие, которое стимулирует волю к власти к новым победам. Удовольствий также два вида: от победы воли и от спячки (уход от борьбы). На ступени интеллектуальной жизни воля к власти открывает себя через интерпретацию: «Воля к власти интерпретирует [...] она устанавливает границы, определяет степени, различия во власти. [...] В действительности интерпретация сама есть лишь средство достигнуть господства над чем-нибудь. (Органический процесс постоянно предполагает интерпретирование)»¹⁴. Воля к власти как интерпретацию предполагает способность воли и власти к *различению*, проведению границы, установлению степени, отношения к ценности, что означает, что природа власти кроется в социокуль-

турном бытии человека, в существовании человека в истории, в жизни. Опыт власти есть способность отличать, видеть *различие* и утверждать его.

Ницше связывает волю и власть, где воля выступает не психологическим, а онтологическим понятием. Ницшеанскую волю можно понимать как способность мочь, иметь в состоянии, обладать властью и осуществлять ее. Природа воли и природа власти тесно связаны. «Само воление, — как толкует Хайдеггер понятие «воля к власти», — есть вырывающееся за свои пределы господство-над; воля в себе самой есть власть, а власть — в-себе-постоянное-воление (in-sich standige Wollen)»¹⁵. Онтологическая природа воли стоит в том, что она есть преодолевающее самое себя воление, она есть «властность». Поэтому сочетание «к власти» не есть добавление к характеристикам и определениям воли, но разъяснение самой сущности воли. Воля и власть — соразмерные понятия и онтологические реальности. Отсюда воля к власти не есть воление чего-то отдельного, действительного, но, как говорит Хайдеггер, воля к власти «затрагивает бытие и сущность сущего, является им самим»¹⁶.

«Властолюбие: пылающий бич для самых твердых сердец, жестокая пытка, которую самый жестокий приготовляет для себя самого; мрачное пламя живых костров. Властолюбие: злая узда, наложенная на самые тщеславные народы; пересмешник всякой сомнительной добродетели; он ездит на всяком коне и на всякой гордости. Властолюбие: землетрясение, сламывающее и взламывающее все гнилое и пустое внутри [...]. Властолюбие: оно же заманчиво поднимается к чистым и одиноким и вверх к самодовлеющим вершинам, пылкая, как любовь, заманчиво рисующая пурпурные блаженства. Властолюбие: но кто назовет его *любим*, когда высокое стремление стремится вниз к власти! Поистине, нет ничего большего и подневольного в такой прихоти и нисхождении!»¹⁷. Воля к власти, как вполне справедливо отмечает Хайдеггер, есть характеристика, основная особенность сущего как оно есть и поскольку оно есть. Сама воля к власти как сущее проявляет себя через вечное возвращение. Он заявляет эту мысль уже в самом начале книги «Ницше». «Мыслить бытие, волю к власти как вечное возвращение, — пишет Хайдеггер, — продумывать эту тяжелейшую мысль философски — значит мыслить бытие как время. Ницше продумывал эту мысль, но продумывал не как *вопрос* о бытии и времени. Эту мысль продумывали также Платон и Аристотель, когда постигали бытие как *οὐσία* (присутствие), но также мало, как и Ницше усматривали в ней вопрос»¹⁸.

В понятии воля к власти открывается силовой, динамический характер бытия как события. Ведь именно Ницше впервые в истории европейской философии связывает власть и событие. Эта связь бытия и силы была открыта еще в античной философии, на что делает акцент Хайдеггер, подчеркивая соразмерности «силы» Ницше и «δύναμις» Аристотеля. «Способностью, или возможностью (dynamis), называется начало движения или изменения вещи, находящееся в ином или в ней самой, поскольку она иное»¹⁹, — пишет Аристотель. Понятие силы у Ницше радикально отличается от физического и метафизического (динамического, как в античности). Динамика как способность действовать, влиять, претерпевать влияние является производной от свойств той или иной вещи, сила выступала

¹⁵ Хайдеггер, М. Ницше / пер. с нем. Д. П. Щурбелова. Т. 1. СПб.: «Владимир Даль», 2006. С. 43.

¹⁶ Там же. С. 61—62.

¹⁷ Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. III, О трояком коне, 2. О властолюбии.

¹⁸ Хайдеггер, М. Указ. соч. С. 23.

¹⁹ Аристотель. Метафизика // Собр. соч.: в 4 т. / Аристотель. Т. 1. М.: Мысль, 1976. Кн. 5. Гл. 12. фр. 15. С. 162.

¹¹ См.: Юнгер, Ф. Г. Указ. соч. С. 129—132.

¹² Данто, А. Ницше как философ / пер. с англ. А. Лавровой. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 258.

¹³ Там же. С. 268.

¹⁴ Ницше, Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. Фр. 643. С. 301.

следствием движения и была встроена с систему причинно-следственных связей у Аристотеля. У Ницше совершенно обратное, никаких причин не существует (движение — лишь фикция видимого для глаз мира). Сила и власть выступает неотъемлемым качеством жизни как сущего. «Была ли когда-нибудь, — задается вопросом Ницше, — уже констатирована *сила*? Нет, а только действия, переведенные на совершенно чужой ей язык»²⁰. Сама жизнь, ценности, понятия выступают разновидностями воли к власти, имеют силовой характер. «Прежде всего, нечто живое хочет проявлять свою силу — сама жизнь есть воля к власти: самосохранение есть только одно из косвенных и многочисленных следствий этого»²¹. Мир сущего выстраивается как некоторое отношение сил, в мире как целом одни силы *действуют*, являются активными, а другие, реактивные, — *противодействуют*. Сущность жизни как силы в том и заключается, что сила всегда соотносена с другими силами, именно в отношении она обретает свою сущность и качество. Отношение силы к силе называется «волей». В физике сила всегда понимается как мера в принятой системе исчисления, где ей приписываются либо механические, либо динамические свойства. В физике сила всегда уже встроена в построенный ею пространственно-временной континуум.

Первым принципиальным определением силы, по Ницше, выступает ее конечность, именно в конечности силы кроется ее сущность. «Мир, рассматриваемый как силы, нельзя считать бесконечным, поскольку он *не может* мыслиться таковым. Нам не дозволено использовать понятие *бесконечной* силы, поскольку это *несовместимо с понятием “силы”*. Следовательно, мир не имеет оснований для вечного обновления»²². И еще одна цитата из наследия Ницше: «Мы настаиваем, что мир как силу нельзя мыслить безграничным — мы запрещаем себе думать о бесконечной силе как о понятии, которое не совместимо с понятием “сила”»²³. Власть также, подобно силе, обозрима, к ней применимы понятия количества: «Количество власти характеризуется действием, которое оно производит, и действием, которому оно оказывает сопротивление. Здесь нет адиофории*. [...] В сущности, имеется только воля к насилию и воля защитить себя от насилия. Не самосохранение: каждый атом производит свое действие на все бытие, — мы упразднили атом, если упраздним это излучение воли к власти. Поэтому я называю его некоторым количеством “воли к власти”»²⁴. Если мы отказываемся от механического (количественного) понятия силы, то возникает вопрос: а что можно считать метрической единицей силы, в чем она себя выражает? По мнению философа, сила как энергия вселенной остается постоянной, но если рассматривать силу «экономически», то она развивается по логике «вечного круговорота». «Эта “воля к власти” выражается в *направлении, в смысле, в способе затраты силы*: с этой точки зрения превращение энергии в жизнь и в “жизнь в высшей потенции” являются целью»²⁵. Метрика силы — не количество, а принцип «экономики» энергии, сила и власть имеют не механический, а экономический смысл, учет затрат и издержек, где идеал — принцип наименьшей затраты.

²⁰ Ницше, Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. Фр. 620. С. 291.

²¹ Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла. С. 250.

²² Цит. по: Данто, А. Указ. соч. С. 253.

²³ Цит. по: Хайдеггер, М. Указ. соч. С. 297.

* Равнодушие, безразличие (*древнегреч.*)

²⁴ Ницше, Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. Фр. 634. С. 296.

²⁵ Там же. Фр. 639. С. 299.

Конечность мира проистекает из конечности силы и ее становления. Поэтому мировое становление и все мировые события не просто река, известное «панта реи» Гераклита, но некий цикл событий, которые могут оборачиваться. Само событие конечно во времени и пространстве своего свершения, но в сущем как целом, в мире как силе и становлении событие повторяется, при этом повторяется бесконечно. Выше я уже говорила, что у Ницше событие имеет два смысла. Во-первых, событие он понимает как поступок, как некое действие, во-вторых, сущее в его целом он понимает как непрерывно становящееся и разворачивающееся в логике события. Второй тип события Хайдеггер метко называет «событие становления». «Каждое событие становления, — толкует Хайдеггер, — должно снова воссоздать себя самое; оно и всякое другое возвращается как то же самое. Вечное возвращение целого (Ganze) мирового становления должно быть возвращением того же самого»²⁶.

Мысль о вечном возвращении того же самого — одна из самых темных и одновременно самых фундаментальных в творчестве Ницше. «Если решиться утверждать, — пишет Ницше в «Nachlass», — что мир обладает определенным количеством силы и определенным количеством центров силы — и что любая иная идея бессмысленна, следовательно, *непригодна*, — то из этого следует, что выпадает исчислимое количество комбинаций в величественной игре в кости в ходе мирового развития. За бесконечное время все возможные комбинации уже должны были выпасть, более того, каждая из них должна была выпадать бесконечное число раз. И, следовательно, между каждой комбинацией и ее повторением все предшествующие комбинации должны быть пройдены, и каждая из этих комбинаций определяет всю последовательность комбинаций. [...] Мировой цикл уже бесконечное число раз повторял самого себя»²⁷. Не следует толковать этот текст философа прямо как описание мира по принципу монотонного повторения и возвращения к одному и тому же. Известная метафора броска костей как символа вечного возвращения и ряд высказываний Ницше, разбросанные по его текстам, лишней раз убеждают нас в этом. Более того, беглое чтение может нас убедить в том, что монотонность как символ вечного возвращения лишает нас надежды, поэтому нет никакого высшего состояния, к которому мы могли бы стремиться. Но это лишь видимость, мысль о вечном возвращении, и я могу не согласиться со многими авторами, ее высказывающими, не трагична и не лишает нас всякой надежды. В книге «Так говорил Заратустра» философ прямо скажет, что речь здесь идет не просто о вечной монотонности без всякой надежды на появление чего-либо нового под солнцем. Или о том, что все старое, случившееся под солнцем, будет возвращаться, раз за разом, во веки веков. «Это значит, что вопреки проклятиям Заратустры, посредственные людишки всегда будут среди нас»²⁸. Это заключение о человеческой посредственности — одно из нигилистических откровений поэта, но суть остается прежней. Мир, жизнь как событие осуществляется по принципу вечного возвращения. В этом-то и состоит главная радость бытия: мир возвращается снова и снова, жизнь есть, несмотря ни на что. Не случайно в начале статьи я выбрала именно этот эпиграф. Раскрытие главной загадки события заключается не столько в том, чтобы понять, как оно происходит, т. к. оно не имеет оснований и почвы для свершения, но почему уникальные, сингулярные события могут возвращаться?

²⁶ Хайдеггер, М. Указ. соч. С. 320.

²⁷ Цит. по: Данто, А. Указ. соч. С. 246—247.

²⁸ Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. С. 159.

Парадокс Ницше, как толкует его Хайдеггер, состоит в том, что именно мысль о вечном возвращении позволяет уловить мир в целостности его становления. Этот горизонт мира как становления или вечного возвращения того же самого появляется, рождается в сущем как «прыжок», «свершение». Эти прерывности и прыжки образуют такие зазоры в сущем, что представляют бытие как событие, бытие как время (Хайдеггер). «Вы мните, — пишет Ницше, — что до возвращения будете иметь долгий покой, но вы заблуждаетесь! Между последним мгновением сознания и первым проблемском новой жизни лежит “безвременье” — оно промелькнет и, как молния, даже если бы живущие насчитали миллиарды лет и не раз»²⁹. Этот зазор, промежуток между событиями возвращения/становления и есть ситуация хаоса, свободы, неопределенности, когда в событии соединяются становление и возвращение. Хайдеггер этот промежуток времени события называет «временностью мгновения». «И все мельчайшие мелочи, и все несказанно великое твоей жизни, — пишет Ницше, — все это будет неизменно возвращаться к тебе, и все в том же порядке и в той же последовательности. [...] Песочные часы бытия, отмеряющие вечность, будут переворачиваться снова и снова, и ты вместе с ними, мелкая песчинка, едва отличимая от других»³⁰.

Ницше часто называют философом истории, но идея вечного возвращения выходит за пределы истории, полагает Г. Ф. Юнгер. «Учение о вечном возвращении прорывается сквозь историю, потому что в нем описывается не историческая, а мистическая ситуация. [...] Здесь кончается всякая история»³¹. Получается так, что генеалогический метод представляет Ницше как исторически мыслящего философа, но парадокс состоит в том, что когда он говорит об истоке истории — событии, то здесь он выходит за границы истории, но вместе с тем, говоря о событии, он ищет исток мира как истории. Поэтому можно не согласиться с автором, напротив, в идее вечного возвращения того же самого Ницше создает картину бытия как события, а значит, пытается ответить на вопрос, как история возможна, как возможен нигилизм и его отрицание, как возможен кризис ценностей, человеческого бытия и пр. Событие есть тот регион, где осуществляется вечное возвращение, поэтому событие выступает реальностью и становится категорией вне исторического в смысле генеалогического поля (то, что относится к сфере ценностей, культуре, морали и пр.). Генеалогия — это вскрытие покрова неизблемости ценностей, это срывание масок — становится лишь средством вступить на ту землю, которая открывается чисто метафизическому взору философа. Не случайно идею вечного возвращения Ницше всегда проговаривает очень осторожно, понимая сложность вы(про)-говаривания того опыта чистого созерцания, который пробудил в нем идею вечного возвращения.

«Каждый император постоянно утверждает, что все преходяще, чтобы не придавать событиям слишком большого значения, оставаясь невозмутимым посреди невзгод. Для меня же, напротив, — заявляет Ницше, — все имеет значение, именно потому, что оно быстротечно. Я жажду вечности для каждого события. Кто-нибудь отважится вылить дорогое вино или благовоение в море? Я верю, что все происходящее вечно»³². Ницше в идее вечного возвращения показывает, что события, свершившиеся в мире, постоянно повторяются. Событийность мира заключается в том, что хотя событие мгно-

венно и уникально, но вместе с тем оно обладает мощным ресурсом и силой, которые позволяют ему возвращаться, что рождает не отдельные локальные вспышки событий, некогда произошедших и забытых, но круг их вечного возвращения. Ницше в идее вечного возвращения ставит и пытается решить проблему: почему события свершаются снова и снова, ведь по онтологической сути они вспышка, разлом бытия и порядка мира, который не имеет основания, но вместе с тем учреждает эти основания. А. Данто утверждал, что вечное возвращение — это образ замерзшего движения. Бессмысленность жизни человека и Вселенной должна рождать человека, который взял бы дело в свои руки. Учение о вечном возвращении влечет за собой бессмысленность всего происходящего, а учение об *Übermensch* является своего рода требованием, обращенным к воле человека, чтобы такой смысл существовал. Эти две идеи взаимосвязаны. При заведенном порядке вещей Заратустра всегда возвращается³³.

«Я буду вечно возвращаться к той же самой жизни, в большом и малом, чтобы снова учить о вечном возвращении всех вещей, чтобы повторять слово о великом полде земли и человека, чтобы опять возвещать людям о сверхчеловеке»³⁴.

Делез называет игру Вечного Возвращения третьей фигурой утверждения. Возвращение, с его точки зрения, — это бытие становления, единое многого, необходимость случайного. Поэтому *Вечное Возвращение* — это не возвращение *Того Же Самого*, поскольку возвращение является формой тожести, которая только зовется разнообразием, многообразием, становлением³⁵. Ницшеанское вечное возвращение Делез толкует как избирательное, дважды избирательное. Сначала возвращается мысль, свободная от всякой морали. Вечное возвращение — это также и бытие, при этом отрицание возвращаться не может, возвращается только утверждение, только то, что может быть утверждено, только радость. «Вечное возвращение есть повторение; именно повтор производит спасение. Изумительный секрет освободительного и избирательного повторения»³⁶.

Вечное возвращение появляется благодаря тому, что мир бытия никогда не возвращается, он всегда есть, только становление, дионисийское начало учреждает себя через возвращение. В учении о вечном возвращении отражена имманентность становления. Мысль о вечном возвращении очень древняя, более того, к ней нас приводит опыт повседневной жизни, которая соткана из постоянных повторений. Поэтому тот, кто движется в эмпирии, захвачен круговоротом возвращения. Ницше пытается увидеть в этом круговращении природных и социальных явлений определенный закон и порядок, как толкует Ф. Юнгер. Вечное возвращение вытекает из воли к власти. Переоценка всех ценностей осуществляется через утверждение воли к власти, а значит, приводит к вечному возвращению. Автор выделяет два возможных концепта возвращения: первый тип возвращения отрицает волю, во втором воля соединена с возвращением. Там, где воля отрицается, возвращение понимается как негативное, отрицательное, где воля утверждает, там возвращение ценно.

Одно из самых глубоких и верных, как мне кажется, толкований связи воли к власти и вечного возвращения принадлежит Хайдеггеру. Он пишет: «В обоих основоположениях (сущее в целом есть воля к власти и сущее в целом есть вечное возвращение того же самого) в каждом случае “есть означает нечто свое”. Когда говорится о том, что

²⁹ Цит. по: Хайдеггер, М. Указ. соч. С. 345.

³⁰ Ницше, Ф. Стихотворения. Философская проза. С. 462.

³¹ Юнгер, Ф. Г. Указ. соч. С. 108—109.

³² Цит. по: Данто, А. Указ. соч. С. 254.

³³ См.: Там же. С. 254—255.

³⁴ Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. С. 161.

³⁵ См.: Делез, Ж. Указ. соч. С. 44—48.

³⁶ Там же. С. 53.

сущее в целом “есть” воля к власти, тогда это означает, что сущее как таковое обладает таким *строем*, который Ницше определил как воля к власти. Когда говорится, что сущее в целом “есть” вечное возвращение того же самого, тогда это означает, что сущее в целом *есть* как сущее в *способе* возвращения того же самого. Определение “воля к власти” дает ответ на вопрос о сущем в отношении его *строю* (Verfassung), а определения “вечное возвращение того же самого” дает ответ на вопрос о сущем в отношении его *способа* быть (Weise). [...] На самом деле необходимо *понять именно единство того и другого*, но это единство само принципиально определяет себя из единства *строю* и *способа* взаимосвязанных моментов сущности сущего»³⁷.

В онтологическом пределе в горизонте события не существует вещей и людей, которые на них воздействуют, но, как верно определяет Ницше, остаются лишь динамические количества, сущность которых состоит в том, чтобы действовать и испытывать воздействия. Поэтому событие, как и воля к власти, «не есть ни бытие, ни становление, а *пафос*»³⁸, из которого уже и возникает становление и действие. Логика событийного становления власти заключена в механизме вечного возвращения.

Фуко также продолжает понимать власть в ее силовом измерении. По его мнению, власть себя обнаруживает через отношения силы и их игру, через опоры, смещения или противоречия сил, через стратегии, внутри которых сила и власть достигают своей действительности. «Под “властью”, мне кажется, следует понимать, прежде всего, множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации; понимать игру, которая путем непрерывных битв и столкновений их трансформирует, усиливает и конферирует; понимать опоры, которые эти отношения силы находят друг в друге таким образом, что образуется цепь или система, или, напротив, понимать смещения и противоречия, которые их друг от друга обособляют; наконец, под властью следует понимать стратегии, внутри которых эти отношения достигают своей действительности»³⁹. Поэтому власть нельзя выводить из какой-либо точки или института господства, она исходит отовсюду и имеет тотальный характер, власть выступает совокупным эффектом различных флуктуаций.

Природа власти, по Бодрийяру, состоит в том, что она не является структурой, она — не субстанция и, даже более того, не отношение сил, власть — это вызов. Этот вызов разворачивается как цикл двойного вызова. Первый вызов — когда власть бросает вызов всему обществу, второй — который брошен тем, кто имеет власть⁴⁰. Все типы власти камуфлируют себя как соотношение сил, но, в конечном счете, власть как вызов — «это вызов власти быть властью: тотальной, необратимой, свободной от угрызений совести, прибегающей к беспредельному насилию»⁴¹. Кризис власти в современном обществе, как полагает философ, состоит в том, что никто не решается бросить власти вызов, ее тайна утрачена, власть перестала быть символической, а стала политической властью или стратегией социального господства. Природа власти, как полагает автор, не диалектична, т. к. в ней нет диалога. Вызов создает не «диалектическое, а неизбежное пространство». Именно эта необратимость делает власть сильной. Сама же власть ни-

когда не воображала себя властью, она лишь симулякр, потому что она превращается в знаки и измышляет из себя исходя из знаков. Поэтому ее не существует. Власть должна уловить эту тайну и бросить себе свой собственный вызов. Если власть прекращает это делать и пытается найти истину, то мы сталкиваемся с параличом власти, терется ее могущество. Для Бодрийяра власть возможна только в ситуации вызова и сопротивления, и, как он метко замечает в книге, «остается тайной: почему отвечают на вызов?»

В этом сюжете опять заметна та же сложность, что возникает у всех философов, пытающихся говорить о власти и возвращении события. Этот факт констатируют все, но никто не может сказать: что это такое и как это возможно. Но автор рискует и дает свой выход из этой сложности. Ж. Бодрийяр дает собственное определение власти: «*Власть — это нечто, подлежащее обмену*. Не в экономическом смысле, а в том, что власть осуществляется согласно обратимому циклу совращения, вызова и уловки (не ось не передача до бесконечности, а цикл). А если власть не может обмениваться таким образом, то она просто-напросто исчезает»⁴². Самое существенное определение, свойство власти, по Бодрийяру, — это ее обратимость, которая основана на совращении. Тема власти и возвращения события, сформулированная Ницше, артикулируется Бодрийяром как ситуация и принцип совращения. Почему совращения? В каком смысле совращение? Не в смысле злоупотребления и наслаждения властью, и даже не в том, что угнетенные испытывают желание и жажду власти. Напротив, совращение происходит из «той обратимости», которая во власти всегда присутствует и на которой основывается ее символический цикл. Поэтому власть не выражается в антагонистических позициях (угнетенный/угнетаемый), но осуществляется согласно циклу совращения. И этот цикл совращения возможен на основании совращенности, жажды смерти.

Абсолютно все, включая власть, как утверждает автор, ищет свою собственную смерть, или все стремится обмениваться, обращаться, уничтожаться в цикле. «*Только это одно и по-настоящему совращает*»⁴³, — заключает он. Но во власти существует интересный парадокс, который выделяет Бодрийяр. С одной стороны, власть совращает, т. к. она является процессом необратимым и подверженным смерти, с другой стороны, власть всегда пытается быть необратимой, кумулятивной и бессмертной, подобно стоимости. Власть в одной перспективе разделяет все иллюзии производства и реального, в другой перспективе, как цикл обмена и совращения, она не имеет ничего общего с принципом реальности. «Совращение не принадлежит порядку реального, оно никогда не принадлежит ни порядку силы, ни отношению сил»⁴⁴, — пишет он. В силу этого совращение окутывает весь реальный порядок и процесс власти. Следовательно, без совращения, как полагает Бодрийяр, не было бы ни власти, ни производства. За властью скрываются пустота и смерть. Власть по принципу производства слабее, чем власть, в основании которой соблазн и совращение. Производство всегда стремится уничтожить наслаждение, утверждая себя в экономике, управляющей силами, производство всегда стремится уничтожить совращение, утверждая себя в отношениях желания.

Таким образом, власть событийна, поскольку в ее основании лежит Вызов, который бросается человеком как ставка на кон, и мерилом этой ставки всегда выступает жизнь. Загадка и тайна власти состоит в том, что она ставит человека на границу небытия и смерти, тем самым превращая сущее его существования в событие.

³⁷ Хайдеггер, М. Указ. соч. С. 400—401.

³⁸ См.: Ницше, Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. Фр. 635. С. 297.

³⁹ Фуко, М. Воля к знанию // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. М.: Касталь, 1996. С. 192.

⁴⁰ Бодрийяр, Ж. Забыть Фуко / пер. с фр. Д. Калугин. СПб.: «Владимир Даль», 2000. С. 78.

⁴¹ Там же. С. 81.

⁴² Бодрийяр, Ж. Указ. соч. С. 71.

⁴³ Там же. С. 72.

⁴⁴ Там же. С. 73.